

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 10 (2021)

Содержание

В сфере административно-правовых отношений	3
вопросы административного выдворения	3
практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин	3
вопросы административного выдворения (право несовершеннолетнего лица быть заслушанным в ходе процедур по выдворению)	6
практика Комитета ООН по правам ребенка	6
вопросы административного выдворения (право несовершеннолетнего лица не подвергаться бесчеловечному обращению в государстве, под юрисдикцию которого предполагается осуществить его выдворение)	8
практика Комитета ООН по правам ребенка	8
защита прав несовершеннолетних в сфере миграционных отношений (вопросы установления возраста несовершеннолетнего)	9
практика Комитета ООН по правам ребенка	9
право на образование	13
практика Комитета ООН по правам ребенка	13
защита прав лиц, принадлежащих к коренным народам	18
практика Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации	18
В сфере гражданско-правовых отношений	25
право на образование	25
практика Комитета ООН по правам ребенка	25
В сфере социально-трудовых правоотношений	26
вопросы трудоустройства	26
практика Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации	26
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений	30
право на беспристрастный суд при рассмотрении дела коллегией присяжных заседателей	30
практика Европейского Суда по правам человека	30
вопросы соблюдения принципа презумпции невиновности	34
практика Европейского Суда по правам человека	34
защита жертв торговли людьми (вопросы осуществления эффективного расследования)	35
практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин	35
вопросы семейно-бытового насилия	38
практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин	38

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

---

¹ В рамках настоящего обзора понятие «*межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека*» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы административного выдворения²

практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин³

Дело «Рахма Абди Осман против Швейцарии». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 июля 2020 года. Сообщение № 122/2017⁴.

Правовые позиции Комитета: как правило, именно судам государств – участников Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации надлежит проводить оценку фактов и доказательств и применять национальное законодательство в конкретных случаях⁵, кроме тех, когда имеется возможность установить, что оценка была предвзятой или проводилась на основании гендерных стереотипов и представляет случай дискриминации в отношении женщин, является явно произвольной или равносильной отказу в правосудии⁶. Каждое суверенное государство-участник самостоятельно формирует характер, структуру и процессуальную схему собственной системы предоставления убежища при соблюдении основных процессуальных гарантий, установленных международным правом (пункт 7.4 Мнений).

² **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения* (по состоянию на 1 августа 2018 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/27085/.

³ Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года (далее – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция).

Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

⁴ Как усматривалось из текста Мнений, автор утверждала, что, выслав ее обратно в Италию, государство-участник нарушит свои обязательства по статьям 2 «d» и 6 Конвенции (пункт 3.1 Мнений).

⁵ См., например, дело «Р.П.Б. против Филиппин» ([CEDAW/C/57/D/34/2011](http://www.cedaw.org/C/57/D/34/2011)), п. 7.5.

⁶ См., например, дело «Н.К. против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» ([CEDAW/C/63/D/62/2013](http://www.cedaw.org/C/63/D/62/2013)), п. 6.6.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела:

Комитет отметил, что, как утверждал автор, в Сомали ее содержал в неволе и подвергал унижающему достоинство обращению один из членов группировки «Аш-Шабааб», за которого она была насильно выдана замуж; пока она содержалась в неволе, ее регулярно избивали и насиловали; в результате изнасилований она родила ребенка, которого у нее отняли силой; она еще дважды беременела, но ее заставили сделать аборты. Комитет установил: автор решила бежать через Ливию в Италию, где 8 ноября 2013 года она подала ходатайство о предоставлении убежища и ей была предоставлена вспомогательная защита. В заявлении говорилось, что во время своего пребывания в Италии она стала жертвой сексуального насилия в лагере беженцев и в течение какого-то времени жила на улице. Автор утверждал – ее ходатайство о предоставлении убежища не было рассмотрено в свете представленных ею доказательств и что швейцарские власти не приняли во внимание тот факт, что ввиду мигрантского кризиса в Италии и отсутствия структур, способных обеспечить ее защиту, она подвергается реальному, личному и прогнозируемому риску стать жертвой серьезных форм дискриминации в отношении женщин, в частности, гендерного насилия, а также стать жертвой проституции (пункт 7.2 Мнений).

Комитет принял к сведению утверждение государства-участника, что автор не продемонстрировала убедительным образом, что у нее имелись реальные основания опасаться того, что в случае возвращения в Италию (где в 2013 году ей была предоставлена вспомогательная защита) она может стать объектом гендерного насилия в жестокой форме; что не было никаких конкретных указаний на то, что в прошлом защита в Италии автору не предоставлялась; что автор могла иметь доступ к необходимому ей медицинскому обслуживанию в Италии и по состоянию здоровья она не являлась слабозащищенным человеком, здоровье или жизнь которого в случае ее высылки обратно могут оказаться под угрозой; и что ходатайство автора о предоставлении убежища было рассмотрено властями государства-участника с соблюдением его обязательств по Конвенции. Наряду с этим Комитет учел утверждение государства-участника – пара может проживать в Италии в качестве альтернативы и при этом муж автора, работающий по найму, может инициировать процедуру воссоединения семьи в Швейцарии, результатов которой автор может ожидать в Италии. Однако ни сложность этой процедуры, ни неопределенность в отношении ее продолжительности не являлись непреодолимыми препятствиями для того, чтобы пара в конечном итоге смогла вести семейную жизнь (пункт 7.3 Мнений).

Комитет отметил, что, по сути, заявления автора имели целью оспорить то, каким образом уполномоченные органы государства-участника рассматривали обстоятельства ее дела, применяли положения национального законодательства и делали выводы. Комитет пришел к выводу: в материалах дела нет свидетельств того, что при рассмотрении органами власти заявлений автора относительно ее опасений в связи с риском, которому она

подвергнется по возвращении в Италию, имели место какие бы то ни было недостатки подобного рода. Комитет подчеркнул следующее – несмотря на обобщающие заявления, сделанные автором относительно предполагаемых недостатков процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища в государстве-участнике, такие недостатки не могут расцениваться как факты дискриминации или предпосылки к ней, а решения, принятые органами власти по делу автора сообщения, не могут быть расценены как произвольные (пункт 7.4 Мнений).

Должным образом оценивая обеспокоенность, которая на законном основании может быть выражена в отношении общего положения дел с предоставлением услуг просителям убежища и уязвимым лицам в Италии, Комитет счел, что власти государства-участника уделили достаточно внимания рассмотрению заявлений автора о предоставлении убежища и предложили ей разумные альтернативы. В этой связи Комитет пришел к заключению: органы власти государства-участника рассмотрели ходатайства автора о предоставлении убежища с учетом обязательств государства-участника по Конвенции. Вместе с тем Комитет отметил, что государство-участник обязано обеспечить информирование итальянских властей о состоянии психического здоровья автора с учетом причиненной ей травмы, с тем чтобы она могла получить поддержку соответствующих служб (пункт 7.5 Мнений).

Выводы Комитета: при рассмотрении ходатайства автора сообщения о предоставлении ей убежища и при принятии решения о ее последующей высылке в Италию положения статей 2 и 6 Конвенции нарушены не были.

вопросы административного выдворения (право несовершеннолетнего лица быть заслушанным в ходе процедур по выдворению)⁷⁾

практика Комитета ООН по правам ребенка⁸⁾

Дело «В.А. против Италии». Соображения Комитета по правам ребенка от 28 сентября 2020 года. Сообщение № 56/2018⁹⁾.

Правовые позиции Комитета: как правило, рассмотрение фактов и доказательств входит в компетенцию национальных органов за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или равнозначным отказу в правосудии. В этой связи Комитет не подменяет собой национальные органы при толковании национального законодательства и оценке фактов и доказательств, однако он обязан проверить отсутствие произвола или отказа в правосудии в оценке властей и гарантировать, что в качестве основного критерия в этой оценке был использован принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка¹⁰⁾ (пункт 7.2 Соображений).

Статьей 12 Конвенции по правам ребенка гарантируется право ребенка быть заслушанным в ходе любого судебного или административного

---

^{7) Для сведения:} в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних в сфере гражданских и административных правоотношений.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27105/.

⁸⁾ Комитет ООН по правам ребенка (далее – Комитет по правам ребенка, Комитет) действует на основании Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (далее – Конвенция по правам ребенка, Конвенция). Российская Федерация является государством-участником указанной Конвенции в качестве государства – продолжателя Союза ССР.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией № 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН.

По состоянию на 1 октября 2021 года Российская Федерация не признавала компетенцию Комитета на принятие индивидуальных сообщений.

⁹⁾ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что, не приняв во внимание уязвимость несовершеннолетних Е.А. и Ю.А. при принятии решения об отказе в рассмотрении дела и при совершении действий, нарушающих их права в момент попытки высылки, государство-участник нарушило свое обязательство по соблюдению Конвенции по правам ребенка, предусмотренное в статье 2 (пункт 3.1 Соображений).

¹⁰⁾ Дело «С.Е. против Бельгии», п. 8.4.

разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя. Вместе с тем в статье 12 не устанавливается какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выразить свои взгляды и Конвенция не поощряет государства-участников к введению в законодательстве или на практике возрастных ограничений, которые бы ущемляли право ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам¹¹. Комитет напоминает, что определение наилучшего обеспечения интересов детей требует, чтобы их положение оценивалось отдельно, несмотря на причины, по которым их родители подали ходатайство о предоставлении убежища (пункт 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, поскольку национальные органы не заслушали несовершеннолетних Е.А. и Ю.А. и не обратили внимание сообщения и свидетельства, представленные в ходе разбирательства. Комитет учел доводы государства-участника о том, что Е.А. и Ю.А. не были заслушаны ввиду их малолетнего возраста, а также тот факт, что интересы детей совпадали с интересами их матери и что они могут осуществлять свое право быть заслушанными через их мать и адвоката. Комитет не разделил довод государства-участника об отсутствии необходимости в заслушивании Е.А. и Ю.А., поскольку их интересы совпадают с интересами их матери. Комитет счел – в обстоятельствах данного дела непроведение прямого заслушивания детей представляло собой нарушение статьи 12 Конвенции (пункт 7.3 Соображений).

Комитет рассмотрел заявление автора о том, что власти не приняли во внимание травматический опыт, пережитый детьми, в том числе в связи с необходимостью дважды бежать из страны происхождения, в одном случае через третью страну, а также их возвращение на родину и еще одну попытку бежать при весьма травмирующих обстоятельствах. Комитет счел, что, не заслушав Е.А. и Ю.А. по этим фактам, последствия которых для них могут сильно отличаться от последствий для их матери, национальные органы не проявили должной осмотрительности в оценке наилучшего обеспечения их интересов (пункт 7.4 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 3 и 12 Конвенции.

---

¹¹ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 12 (2009), п. 21.

вопросы административного выдворения (право несовершеннолетнего лица не подвергаться бесчеловечному обращению в государстве, под юрисдикцию которого предполагается осуществить его выдворение)

практика Комитета ООН по правам ребенка

Дело «*В.М.Ц. против Дании*». Соображения Комитета по правам ребенка от 28 сентября 2020 года. Сообщение № 31/2017¹².

Правовые позиции Комитета: государства не должны возвращать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность того, что ему может быть причинен непоправимый вред, например, но не исключительно, такой, какой оговорен в статьях 6 и 37 Конвенции по правам ребенка (п. 27); и что такие обязательства по нонрефулменту¹³ применяются вне зависимости от того, совершаются ли серьезные нарушения прав, гарантированных в Конвенции, негосударственными субъектами и носят ли такие нарушения целенаправленный характер или же являются косвенным следствием тех или иных действий или бездействия. Оценка степени риска таких серьезных нарушений должна производиться с учетом факторов возраста и пола¹⁴. Такая оценка должна осуществляться в соответствии с принципом осмотрительности и в случае наличия обоснованных сомнений в том, что принимающее государство может защитить ребенка от таких рисков, государства-участники должны воздерживаться от депортации ребенка¹⁵ (пункт 8.3 Соображений).

Одним из важнейших соображений, которые надлежит учитывать при принятии решений, касающихся депортации ребенка, должно быть обеспечение наилучших интересов ребенка и что такие решения должны приниматься в соответствии с процедурой, предусматривающей надлежащие процессуальные гарантии того, что после возвращения ребенка ему будет обеспечена безопасность и предоставлены надлежащий уход и возможности для осуществления его прав¹⁶. Комитет напоминает – бремя доказывания не может возлагаться исключительно на автора сообщения, особенно потому, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к

¹² Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что в случае высылки ее и ее троих детей в Китай государство-участник нарушит права ее детей, предусмотренные статьями 2, 3, 6, 7 и 8 Конвенции (пункт 3.1 Соображений).

¹³ Non-refoulement (принцип невысылки).

¹⁴ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Общая рекомендация № 32 (2014), п. 25.

¹⁵ Дело «*И. А. М. против Дании*» (CRC/C/77/D/3/2016), п. 11.8.

¹⁶ См.: Совместное Замечание общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка, пп. 29 и 33.

доказательствам и нередко лишь государство-участник располагает соответствующей информацией¹⁷ (пункт 8.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: были приняты к сведению утверждения автора о том, что в случае депортации в Китай ее трое детей, родившиеся вне брака, могут быть отобраны у матери и что они не будут зарегистрированы в «хукоу», что необходимо для обеспечения их доступа к здравоохранению, образованию и социальным услугам (пункт 8.4 Соображений).

Комитет отметил – государство-участникне удостоверялось с помощью средств, которые не поставили бы под угрозу положение автора и ее детей как просителей убежища, в том, будет ли датское свидетельство о рождении достаточным для целей регистрации в соответствии с системой «хукоу», и если нет, то какие другие процедуры потребуются для получения детьми китайских свидетельств о рождении; какова вероятность получения китайских свидетельств о рождении и как долго детям придется ждать, пока им удастся зарегистрироваться по месту жительства. Комитет подчеркнул – эти вопросы особенно актуальны с учетом многочисленных административных требований, предъявляемых к получению свидетельства о рождении и сложных процедур регистрации в Китае, и что регистрация рождения связана с «хукоу»¹⁸. Комитет счел: государство-участник не рассмотрело вопросо том, каким образом права детей на образование и здоровье будут обеспечиваться в ожидании их регистрации или в случае ее отсутствия (пункт 8.6 Соображений).

Выводы Комитета: при оценке предполагаемого риска того, что в случае депортации в Китай дети автора сообщения не смогут зарегистрироваться в «хукоу», государство-участник не обеспечило соблюдение наилучших интересов ребенка и не предусмотрело надлежащих гарантий обеспечения благополучия ребенка после его депортации, а это нарушает статью 3 Конвенции.

*защита прав несовершеннолетних в сфере миграционных отношений
(вопросы установления возраста несовершеннолетнего)*

практика Комитета ООН по правам ребенка

Дело «К.О.К. против Испании». Соображения Комитета по правам ребенка от 28 января 2021 года. Сообщение № 56/2018¹⁹.

¹⁷ См. подробнее: дело «М.Т. против Испании» (CRC/C/82/D/17/2017), п. 13.4; дело «Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии» (CCPR/C/91/D/1422/2005), п. 6.7; и дело «Меджнун против Алжира» (CCPR/C/87/ D/1297/2004), п. 8.3.

¹⁸ CRC/C/CHN/CO/3-4, п. 39.

¹⁹ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что государство-участник нарушило презумпцию несовершеннолетия в случае сомнений или неуверенности вопреки его наилучшим интересам и в нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 3.1 Соображений).

Правовые позиции Комитета: установление возраста молодого человека, утверждавшего, что он является несовершеннолетним, имеет основополагающее значение, поскольку результат установления возраста заявителя определяет, будет ли он иметь право на национальную защиту как ребенок или будет исключен из такой защиты. Это имеет жизненно важное значение и для Комитета, поскольку осуществление прав, закрепленных в Конвенции по правам ребенка, следует из указанного установления. Наличие надлежащей процедуры установления возраста обязательно, как и возможности оспорить результат этого процесса в порядке обжалования. Пока эти процессы не завершены, сомнения должны толковаться в пользу лица, к которому необходимо относиться как к ребенку. Таким образом, Комитет напоминает, что интересы ребенка должны получать приоритетное внимание на протяжении всей процедуры установления возраста (пункт 8.8 Соображений).

Сомнения должны толковаться в пользу оцениваемого лица и в целях обоснованной оценки возраста государствам следует проводить комплексный анализ физического и психологического развития ребенка силами специалистов-педиатров или других специалистов, обладающих навыками комплексного анализа различных аспектов развития. Такой анализ должен проводиться оперативно, с учетом индивидуального подхода, гендерных аспектов и культурных особенностей, в том числе с проведением собеседований с детьми и на понятном ребенку языке²⁰ (пункт 8.9 Соображений).

Государства-участники должны назначить квалифицированного юридического представителя и переводчика при необходимости для всех молодых людей, которые утверждают, что они несовершеннолетние, как можно скорее по прибытии и на безвозмездной основе²¹. Комитет считает, что обеспечение представительства этих лиц в процессе определения их возраста служит важной гарантией уважения их интересов и обеспечения их права быть заслушанным²². Невыполнение этого требования влечет за собой нарушение статей 3 и 12 Конвенции, поскольку процедура установления возраста служит отправной точкой применения Конвенции. Отсутствие своевременного представительства может привести к существенной несправедливости (пункт 8.12 Соображений).

Комитет считает, что дата рождения ребенка является элементом его личности и государства-участники обязаны уважать право ребенка на ее сохранение, не лишая ее каких-либо элементов (пункт 8.14 Соображений).

При ратификации Факультативного протокола на государства-участников налагается международное обязательство соблюдать временные

---

²⁰ Замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 Комитета по правам ребенка (2017), п. 4.

²¹ Дело «А.Д. против Испании» (CRC/C/83/D/21/2017), п. 10.14.

²² Там же, дело «А.Л. против Испании» (CRC/C/81/D/16/2017), п. 12.8; и дело «Х.А.Б. против Испании» (CRC/C/81/D/22/2017), п. 13.7.

меры, принятые в соответствии со статьей 6 указанного Протокола, меры, предотвращающие причинение непоправимого ущерба, пока сообщение находится на рассмотрении, обеспечивая, таким образом, эффективность процедуры индивидуальных сообщений²³ (пункт 8.16 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела:
Комитет отметил, что:

а) для установления возраста в отношении автора, прибывшего на территорию Испании без документов, были проведены медицинские остеометрические исследования рентгеноскопии запястья, однако хотя была проведена ортопантомография зубов, но не было составлено отчета на основе этих доказательств из-за отсутствия специализированного медицинского персонала, а также в рамках этой процедуры не было проведено никаких дополнительных исследований, в частности, психологических тестов или собеседования с автором;

б) по результатам рентгеноскопии запястья было установлено – по атласу Грейлиха-Пайла костный возраст автора составлял 18 лет; однако при этом не было учтено, что эту методику, не предусматривавшую стандартной погрешности для данного возрастного диапазона, нельзя просто экстраполировать на лиц с особенностями личности автора;

с) на основании этого медицинского результата прокуратура приняла постановление, которым устанавливалось совершеннолетие автора;

д) на основании указанного постановления компетентный судья распорядился поместить автора в место содержания для взрослых;

е) автор был освобожден «из-за невозможности документировать» его и был передан Красному Кресту на Тенерифе;

ф) автор не сопровождался представителем в процессе определения возраста, которому он был подвергнут (пункт 8.10 Соображений).

Комитет также указал информацию, содержащуюся в материалах, свидетельствующую об отсутствии точности остеометрических исследований, которые имеют значительную погрешность и, таким образом, не подходят в качестве единственного метода определения хронологического возраста молодого человека, утверждавшего, что он являлся несовершеннолетним и предоставившего подтверждающие этот факт документы (пункт 8.11 Соображений).

Комитет также обратил внимание на утверждения автора – ему не был назначен опекун или представитель для защиты его интересов как возможного несопровождаемого ребенка-мигранта до и во время процесса определения возраста, которому он был подвергнут. И это привело к принятию постановления о признании его совершеннолетия (пункт 8.12 Соображений).

Комитет считал: процедура установления возраста автора, утверждавшего, что он несовершеннолетний, не имела необходимых

---

²³ Дело «Н.Б.Ф. против Испании», п. 12.11.

гарантий защиты его прав, признанных в Конвенции. В обстоятельствах данного дела это являлось следствием неспособности провести адекватные исследования для определения возраста, отказа предоставить автору медицинские заключения, которые якобы послужили основанием для постановления о признании совершеннолетия, и неназначения опекуна для сопровождения его во время этой процедуры. По этой причине Комитет решил – наилучшие интересы ребенка не принимались во внимание в первую очередь при установлении возраста автора в нарушение статей 3 и 12 Конвенции (пункт 8.13 Соображений).

Комитет также принял к сведению те утверждения автора, что государство-участник нарушило его права по статье 8 Конвенции, изменив элементы его личности, присвоив ему возраст, который не соответствовал информации, содержащейся в официальном документе, выданном его страной происхождения. Комитет отметил следующее – государство-участник не уважало личность автора, присвоив ему дату рождения, которая ему не соответствовала, не связавшись с властями страны происхождения автора, тем более что автор не просил о предоставлении убежища и не было никаких оснований полагать, что контакт с этими властями может повлечь за собой какой-либо риск для него. Таким образом, Комитет заключил: государство-участник нарушило статью 8 Конвенции (пункт 8.14 Соображений).

Комитет также учел утверждения автора, не опровергнутые государством-участником, об отсутствии его защиты со стороны государства-участника в условиях его крайне уязвимого бедственного положения. Комитет отметил, что это отсутствие защиты имело место еще до того, как он был помещен в ЦСИ²⁴, когда в течение нескольких дней он находился не в месте, предусмотренном в постановлении суда о помещении в центр содержания иностранных граждан, а в другом месте содержания, а также после освобождения автора из ЦСИ из-за невозможности задокументировать его на предмет высылки. Таким образом, Комитет счел – вышеизложенное является нарушением положений пункта 1 статьи 20 (пункт 8.15 Соображений).

Комитет отметил несоблюдение государством-участником временных мер, заключавшихся в переводе автора в центр защиты несовершеннолетних. Комитет принял к сведению тот аргумент государства-участника, что помещение автора в центр защиты несовершеннолетних мог бы представлять серьезную опасность для детей, содержащихся в этих центрах. Однако Комитет подчеркнул – этот аргумент основан на том допущении, что автор являлся совершеннолетним. Таким образом, Комитет считал, что невыполнение запрошенных временных мер само по себе является нарушением статьи 6 Факультативного протокола (пункт 8.16 Соображений).

---

²⁴ Центр содержания иностранных граждан.

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении статей 3, 8, 12 и пункта 1 статьи 20 Конвенции, а также статьи 6 Факультативного протокола.

*право на образование*²⁵

практика Комитета ООН по правам ребенка

Дело «Х.М. против Испании». Соображения Комитета по правам ребенка от 31 мая 2021 года. Сообщение № 115/2020²⁶.

Правовые позиции Комитета: согласно статье 2 Конвенции по правам ребенка государства-участники должны уважать и обеспечивать доступ к образованию для всех детей, находящихся под их юрисдикцией, без каких-либо различий. В то же время поскольку осуществление закрепленных в Конвенции прав обусловлено наличием доступа к образованию, то необходимо, чтобы в любом процессе, направленном на получение ребенком школьного образования, первоочередное внимание уделялось наилучшим интересам ребенка²⁷ (пункт 12.2 Соображений).

Право на образование «является воплощением неделимости и взаимозависимости всех прав человека»²⁸ и его важность такова, что в Конвенции закреплено не только право каждого ребенка на доступ к образованию (ст. 28), но и «индивидуальное и субъективное право на конкретное качество образования»²⁹. Кроме того, право на образование должно быть гарантировано всем детям обязательного школьного возраста

---

²⁵ **Для сведения.** В 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на образование.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/28445/.

²⁶ Как усматривалось из текста Соображений, автор пояснила, что, поскольку А.Е.А. родился в Мелилье и его проживание в этом городе было убедительно доказано, то отказ зачислить его в школу можно было объяснить только дискриминацией в нарушение ст. 2 Конвенции на основании его марокканского происхождения и отсутствия у него законного вида на жительство (пункт 3.1 Соображений). Автор ссылалась на Замечание общего порядка № 1 (2001) Комитета по правам ребенка, согласно которому «дискриминация по любым признакам, перечисленным в статье 2 Конвенции, независимо от того, является ли она явной или скрытой, оскорбляет человеческое достоинство ребенка и может подорвать и даже свести на нет способность ребенка пользоваться возможностями, связанными с образованием» (п. 10).

²⁷ Замечание общего порядка № 14, пп. 30 и 79.

²⁸ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 11 (1999), п. 2.

²⁹ Замечание общего порядка № 1, п. 9.

независимо от их гражданства или административного статуса (пункт 12.4 Соображений).

В статье 2 Конвенции недвусмысленно закреплено обязательство уважать и обеспечивать предусмотренные в ней права. Из этого следует – [о]бязательство соблюдать [право на образование] требует, чтобы государства-участники избегали принятия мер, препятствующих или затрудняющих осуществление права на образование. Согласно обязательству защищать указанные права государства-участники должны принимать меры по предупреждению вмешательства третьих сторон в осуществление права на образование. Обязательство выполнять (содействовать) предусматривает принятие государствами-участниками позитивных мер, обеспечивающих отдельным лицам и общинам возможность и содействие в пользовании правом на образование. Наконец, государства-участники имеют обязательство выполнять (обеспечивать) право на образование. По общему правилу, государства-участники обязаны выполнять (обеспечивать) какое-либо конкретное право по Пакту, когда лицо или группа лиц по не зависящим от них причинам не могут самостоятельно воспользоваться этим правом, опираясь на имеющиеся у них средства³⁰ (пункт 12.6 Соображений).

Как правило, рассмотрение фактов и доказательств и толкование национального законодательства входит в компетенцию национальных органов, за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение или толкование является очевидно произвольным или равносильным отказу в правосудии³¹ (пункт 12.7 Соображений).

Дискриминация, запрещенная статьей 2 Конвенции, может быть «явной или скрытой»³². Это означает, что дискриминация может быть де-юре или де-факто, а также прямой или косвенной³³ (пункт 12.8 Соображений).

---

³⁰ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 13 (1999), п. 47. См. также: Совместное замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 Комитета по правам ребенка (2017), согласно которому «[к]омитеты настоятельно призывают государства незамедлительно изменить действующие правила и практику, не позволяющие детям-мигрантам, в частности, детям, не имеющим документов, записываться в школы и другие учебные заведения» (п. 60).

³¹ См., в частности, решения Комитета о неприемлемости по делу «*А.А.А. против Испании*» (CRC/C/73/D/2/2015), п. 4.2, и по делу «*Наварро Пресентасьон и др. против Испании*» (CRC/C/81/D/19/2017), п. 6.4.

³² Замечание общего порядка № 1, п. 10.

³³ Комитет неоднократно подчеркивал необходимость борьбы с дискриминацией де-юре и де-факто, а также прямой и косвенной, в том числе в отношении доступа к образованию. См.: CRC/C/AUT/CO/3-4, п. 25; CRC/C/VNM/CO/3-4, п. 29; и CRC/C/THA/CO/3-4, п. 33. См. также иные международные документы, в которых признается дискриминацией любое различие, имеющее либо цель (объект), либо последствия (результат): Конвенция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) о борьбе с дискриминацией в области образования, ст. 1; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, ст. 1; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ст. 1; Конвенция о правах

Государства-участники обязаны уважать и обеспечивать право на образование за каждым ребенком, который находится в пределах их юрисдикции, без какой-либо дискриминации. Реализация этого права не может быть оставлена на чье-то усмотрение, помимо проверки фактического местожительства (пункт 12.9 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: по делу надлежало выяснить следующие три вопроса: а) нарушило ли государство-участник право А.Е.А. на доступ к образованию по смыслу статьи 28 Конвенции; б) представлял ли отказ в зачислении А.Е.А. в школу дискриминационное обращение по смыслу статьи 2 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 Конвенции; и с) учитывались ли в ходе процесса, в рамках которого запрашивалось временное зачисление А.Е.А. в школу, его наилучшие интересы по смыслу статьи 3 Конвенции, также рассматриваемой в совокупности со статьей 28 Конвенции.

Комитет принял к сведению довод автора о том, что, несмотря на формальное признание этого права во внутреннем законодательстве, факты показывали, что А.Е.А., как и все дети, проживающие в Мелилье, не имея постоянного статуса, на практике сталкиваются с препятствиями, которые не позволяют им посещать школу. Комитет отметил: в данном случае и государство-участник, и автор согласны с тем, что право на образование на территории государства-участника признается однозначно за всеми детьми на равных основаниях, независимо от их гражданства или административного статуса (пункт 12.4 Соображений).

Комитет учел: как признало государство-участник, провинциальная бригада по делам иностранцев и пограничного контроля Национальной полиции Испании после посещения дома А.Е.А. в ноябре 2020 года подтвердила факт его проживания вместе с семьей по адресу, указанному автором в ее заявлениях, которые она подавала в судебные и административные органы. Комитет также указал на утверждение автора, не оспоренное государством-участником, согласно которому сестра А.Е.А. была зачислена в школу с 2018/19 учебного года. Наконец, Комитет подчеркнул, что, несмотря на подтверждение Национальной полицией фактического местожительства, соответствующий орган образования продолжал требовать подтверждения факта его «проживания на законных основаниях», что препятствовало зачислению А.Е.А. в школу, пока Министерство образования и профессиональной подготовки не реализовало свои полномочия и не приняло решение о его зачислении в школу. Все вышесказанное свидетельствовало – хотя в национальном законодательстве признается право на образование за всеми детьми, независимо от их административного статуса, однако на практике компетентные местные органы образования продолжали требовать от А.Е.А. подтверждения факта проживания в городе

инвалидов, ст. 2; Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 18 (1989), п. 7; и Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 20 (2009), п. 7 (включая упоминание прямой или косвенной дискриминации).

на законном основании в качестве условия для получения доступа к системе образования (пункт 12.5 Соображений).

Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что ни один из представленных автором документов не являлся серьезным доказательством ее фактического местожительства; документы, представленные автором для подачи заявления о зачислении А.Е.А. в школу, представляли собой, по меньшей мере, указание на ее местожительство, что налагало на государство-участника позитивное обязательство провести необходимые проверки для подтверждения ее фактического местожительства. Комитет отметил следующее – в данном случае Национальная полиция подтвердила фактическое местожительство А.Е.А. после посещения его дома в ноябре 2020 года, т.е. почти через полтора года после подачи автором заявления о зачислении ее сына в школу. Комитет счел, что, помимо обязательства зачислить А.Е.А. в школу сразу после подтверждения его фактического местожительства в Мелилье, государство-участник должно было принять все необходимые меры для подтверждения его фактического местожительства в ускоренном порядке. Комитет не смог согласиться с тем, что полтора года – это разумный срок для выполнения данного обязательства. Поскольку государство-участник не привело никаких дополнительных причин того, почему А.Е.А. не был немедленно зачислен в школу после официального подтверждения его фактического местожительства в Мелилье, то Комитет решил – его право на доступ к образованию в соответствии со статьей 28 Конвенции было нарушено (пункт 12.7 Соображений).

Что касается второго подлежащего выяснению вопроса о том, является ли отказ в зачислении А.Е.А. в школу дискриминационным обращением по смыслу статьи 2 Конвенции, то Комитет установил: в данном деле имел место де-факто явно дифференцированный подход, основанный на отсутствии у А.Е.А. постоянного административного статуса и, следовательно, на его национальном происхождении. Комитет вновь отметил – хотя само государство-участник признало, что лица, проживающие на его территории, имеют неограниченное право на образование, однако автор показала, что, даже когда Национальная полиция официально подтвердила фактическое местожительство А.Е.А. в Мелилье, то местные власти продолжали отказываться зачислить его в школу. В отсутствие какого-либо обоснования государством-участником такого дифференцированного подхода, основанного на административном статусе А.Е.А. Комитет счел, что непосещение А.Е.А. школы в течение почти двух лет представляло собой нарушение его права на недискриминацию по смыслу статьи 2 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 (пункт 12.8 Соображений).

Что касается нарушения статьи 3 Конвенции, то Комитет отметил – государство-участник не представило информацию о том, каким образом наилучшие интересы А.Е.А. были основным соображением в ходе судебных и административных разбирательств, в которых он участвовал в связи с

заявлением о его временном зачислении в школу³⁴. Комитет подчеркнул: Административный суд № 2 Мелильи отказал А.Е.А. во временном зачислении в школу, решив, что «общественные интересы должны превалировать над всего лишь расчетом родителей на то, что их ребенок будет иметь доступ [...] к испанской системе образования». В контексте заявления о временном обучении до определения фактического местожительства А.Е.А. суд занял позицию, в соответствии с которой он по своему усмотрению вышел за рамки проверки фактического местожительства и осуществил оценку интересов. Суд взвесил обобщенный и неподтвержденный ущерб, который может быть причинен всем детям школы, где мог бы обучаться А.Е.А. в случае его приема, посчитав его большим, чем выгоды, которые А.Е.А. получил бы от временного доступа к системе образования. Более того, суд сделал вывод – для А.Е.А. было бы хуже получить временный доступ к образованию, который впоследствии мог быть аннулирован. Об отсутствии индивидуального подхода к учету наилучших интересов А.Е.А. свидетельствовал тот факт, что суд заявил, что не известно, говорит ли он по-испански или имеет академический уровень, сопоставимый с уровнем учеников школы, которую он хотел посещать. Кроме того, суд не принял во внимание тот факт, что его сестра до этого в школу была зачислена. В свете вышеизложенного Комитет счел, что наилучшие интересы А.Е.А. не были первоочередным соображением при проведении процедуры его превентивного обучения в школе в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемого в совокупности со статьей 28 Конвенции (пункт 12.9 Соображений).

Выводы Комитета: были нарушены статья 28 Конвенции, статья 2 Конвенции, рассматриваемая в совокупности со статьей 28 Конвенции, а также пункт 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 28 Конвенции.

---

³⁴ Замечание общего порядка № 14, пп. 30 и 79.

практика Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации³⁵

Дело *«Ларс-Андерс Огрен и другие против Швеции»*. Мнения Комитета по ликвидации расовой дискриминации от 18 ноября 2020 года. Сообщение № 54/2013³⁶.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в своей Общей рекомендации № 23 (1997 год) он призывает государства-участников признать и охранять права коренных народов владеть, обустраивать, контролировать и использовать свои земли, территории и ресурсы, а там, где их земли и территории, которыми они традиционно владели или на которых они иным образом проживали, отобраны или используются без их добровольного и осознанного согласия, принять меры для возвращения таких

³⁵ Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее – Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет) действует на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года (далее – Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция).

Российская Федерация является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Для сведения: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/27156/.

³⁶ Как усматривалось из текста Мнений, авторы утверждали, что, будучи представителями коренного народа саами, они имеют свою собственную культуру, средства к существованию и язык, отличающиеся от культуры несаамского населения. В частности, оленеводство является важнейшим элементом их культурной самобытности и традиционного образа жизни. Вместе со своим оленьим стадом авторы кочуют по тем же маршрутам, по которым с незапамятных времен перемещались их предки. Государство-участник предоставило концессии на эксплуатацию частной горнодобывающей компании на территории традиционного проживания общины в виде трех открытых рудников, расположенных на перешейке Рённбеккен – районе с пастбищными угодьями, имеющими основополагающее значение для оленеводческого цикла общины Вапстен. Как следствие, значительная часть этой территории была изъята у оленеводческой общины, при этом ее пастбищные угодья постоянно сокращались, что создало реальную угрозу для оленеводства и оказало огромное психологическое давление на членов общины. Авторы утверждали, что в силу этого их община не выдержит других горнодобывающих концессий. Они далее подчеркнули, что государство-участник, предоставив без согласия авторов концессию на три открытых рудника в пределах их традиционного земельного имущества, где они ведут традиционный образ жизни, нарушило в том числе их право на имущество, закрепленное в статье 5 «d»–«v» Конвенции (пункт 1.2 Мнений).

земель и территорий (п. 5). Как указано в решении о приемлемости, эти стандарты в области прав человека также содержатся в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, за которую проголосовала Швеция. Статья 26 Декларации предусматривает следующее:

1. Коренные народы имеют право на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, которые они традиционно занимали или иным образом использовали или приобретали.

2. Коренные народы имеют право иметь в собственности, использовать, осваивать или контролировать земли, территории и ресурсы, которыми они обладают в силу традиционного владения или другого традиционного занятия или использования, а также те, которые они приобрели иным образом.

3. Государства обеспечивают юридическое признание и защиту таких земель, территорий и ресурсов. Такое признание осуществляется с должным уважением к обычаям, традициям и системам землевладения соответствующих коренных народов (пункт 6.5 Мнений).

По смыслу этих принципов³⁷ необходимо признавать и понимать тесные связи коренных народов с землей как основополагающую основу их культуры, духовной жизни, целостности и экономического выживания. Их «взаимосвязь с землей – это не только вопрос владения и производства, а материальный и духовный элемент, которым они должны в полной мере пользоваться, хотя бы для того, чтобы сохранить свое культурное наследие и передать его будущим поколениям»³⁸. В этой связи реализация земельных прав коренных народов может также стать предпосылкой для осуществления права на жизнь как такового и «недопущения их вымирания как народа»³⁹ (пункт 6.6 Мнений).

Игнорирование неотъемлемого права коренных народов на использование и осуществление земельных прав и отказ от принятия надлежащих мер для обеспечения соблюдения на практике их права давать свободное, предварительное и осознанное согласие во всех случаях, когда их права могут быть затронуты проектами, осуществляемыми на территориях их традиционного проживания, представляет собой одну из форм дискриминации, поскольку это приводит к аннулированию или ущемлению признания, пользования или осуществления коренными народами на равной основе их прав на свои традиционные территории, природные ресурсы и, как следствие, их самобытности⁴⁰ (пункт 6.7 Мнений).

---

³⁷ См.: п. 6.5 Мнений.

³⁸ Межамериканский суд по правам человека, дело «Община майягна (сумо) Авас Тингни против Никарагуа», решение от 31 августа 2001 года, п. 149.

³⁹ Межамериканский суд по правам человека, дело «Народ сарамака против Суринама», решение от 28 ноября 2007 года, п. 121. См. также: дело «Община коренного народа савоямакса против Парагвая», решение от 29 марта 2006 года.

⁴⁰ По ряду дел Межамериканский суд по правам человека признал, что права коренных народов действительно защищаются в рамках общинного имущества. См.

Хотя право на имущество не является абсолютным, но государства-участники должны соблюдать принцип соразмерности при ограничении или регулировании земельных прав коренных народов с учетом их отличительного статуса с тем, чтобы не ставить под угрозу само выживание общины и ее членов⁴¹ (пункт 6.10 Мнений).

Запрещение расовой дискриминации, закрепленное в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, требует, чтобы государства-участники гарантировали каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, пользование равными правами де-юре и де-факто. В соответствии со статьей 2 (1) «с» Конвенции каждое государство-участник должно принять эффективные меры для пересмотра политики правительства в национальном и местном масштабе, а также для исправления, отмены или аннулирования любых законов и постановлений, ведущих к возникновению или увековечению расовой дискриминации всюду, где она существует. Государства должны принимать позитивные меры, позволяющие коренным народам осуществлять свои права человека, либо устраняя остающиеся препятствия, либо принимая конкретные законодательные и административные меры для выполнения своих обязательств по Конвенции (пункт 6.13 Мнений).

В своей Общей рекомендации № 23 (1997 год) Комитет призвал государства-участники признавать и уважать самобытную культуру, историю, язык и образ жизни коренных народов в качестве фактора обогащения культурной самобытности государства, которая была и находится под угрозой исчезновения, и содействовать ее сохранению. Комитет напоминает, что земельные права коренных народов отличаются от общего понимания гражданско-правовых имущественных прав, и считает, что оленеводство не является «проведением досуга на открытом воздухе», как оно было определено в решении главного горного инспектора⁴², а представляет собой центральный элемент культурной самобытности и традиционного образа жизни авторов (пункт 6.14 Мнений).

Признание земельных прав общин саами и их коллективного права на оленеводство, основанного на традиционном использовании, влечет за собой обязательство уважать и защищать эти права на практике. Необходимость сохранения их культуры и средств к существованию входит в число причин,

---

дополнительную ссылку на постоянную судебную практику после дела *«Община майягна (сумо) Авас Тингни против Никарагуа»* и совпадающее мнение Серхио Гарсия-Рамиреса по этому делу, п. 13. Те же принципы были признаны в Африканской системе по правам человека. См.: дело *«Центр по развитию прав меньшинств (Кения) и Группа по правам меньшинств (от имени Совета по благосостоянию «Эндоройс») против Кении»*, 276/03, 2009 год, и *«Африканская комиссия по правам человека и народов против Республики Кения»*, заявление № 006/2012, 2017 год.

⁴¹ Дело *«Пома Пома против Перу»*, п. 7.6.

⁴² Формулировка в решении главного горного инспектора о предоставлении концессии на эксплуатацию Рённбеккен К № 3, Замечания государства-участника по существу от 16 октября 2017 года, добавление 2.

по которым государствам-участникам следует принять конкретные меры для обеспечения эффективных консультаций с ними и участия в принятии решений. Комитет напоминает, что в своей Общей рекомендации № 32 (2009 год) он разъяснил - понятие «недопустимых «особых прав» следует отличать от прав, допускаемых и признаваемых международным сообществом, с целью обеспечить существование и сохранение самобытности таких групп, как меньшинства, коренные народы и другие категории лиц, чьи права в равной степени допускаются и признаются в рамках всеобщих прав человека (п. 26). Права на земли, традиционно занимаемые коренными народами, относятся к числу постоянных прав, признанных в качестве таковых в договорах по правам человека, в том числе документах, принятых в контексте деятельности Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений⁴³ (пункт 6.15 Мнений).

Комитет неоднократно подтверждал: непроведение надлежащих консультаций с коренными народами может представлять собой одну из форм расовой дискриминации и подпадать под действие Конвенции. Комитет придерживается правозащитного подхода, предусматривающего предварительное свободное и осознанное согласие, когда в качестве нормы признается запрещение расовой дискриминации, являющейся основной причиной большинства случаев дискриминации, с которой сталкиваются коренные народы⁴⁴ (пункт 6.16 Мнений).

Государства-участники обязаны представлять доказательства того, что они выполняют это обязательство [по проведению консультаций] либо напрямую, посредством организации и проведения консультаций в духе доброй воли и с целью достижения консенсуса, либо косвенно, путем предоставления достаточных гарантий эффективного участия общин коренных народов и обеспечения того, чтобы любая третья сторона действительно уделяла должное внимание существенным аргументам, выдвигаемым общинами коренных народов. Обязанность проводить консультации⁴⁵ в таком контексте является обязанностью государства и не может быть без надзора передана частной компании, особенно той же компании, которая в коммерческом плане заинтересована в ресурсах, находящихся на территории коренных народов⁴⁶. Как отметил Специальный докладчик по вопросу о правах коренных народов, помимо того, что это не освобождает государство от ответственности, так и передача государством

---

⁴³ Комитет напоминает, что в соответствии с его Общей рекомендацией № 32 (2009) различие между особыми мерами и постоянными правами предполагает, что лица, обладающие постоянными правами, могут также воспользоваться в своих интересах особыми мерами (п. 15).

⁴⁴ A/HRC/39/62, пп. 9–10.

⁴⁵ Обязательство проводить консультации было квалифицировано в качестве общего принципа международного права: Межамериканский суд по правам человека, дело «Коренной народ кечуа сараяку против Эквадора», решение от 27 июня 2012 года, п. 164.

⁴⁶ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, ст. 19.

обязанностей в области прав человека частной компании может быть нежелательной и даже проблематичной, учитывая, что интересы частной компании, в первую очередь связаны с получением прибыли и, следовательно, не могут полностью отвечать наилучшим интересам соответствующих коренных народов⁴⁷ (пункт 6.17 Мнений).

Частью процесса консультаций с коренными народами должны стать исследования, посвященные экологическим и социальным последствиям. Эти исследования должны проводиться независимыми и технически компетентными организациями до предоставления концессии на любой строительный или инвестиционный проект, затрагивающий территории традиционного проживания. На основе этих исследований необходимо проводить консультации, начиная с ранних этапов и до разработки проекта, а не только в тот момент, когда необходимо получить одобрение. Исход таких консультаций не может быть предрешен: не должно возникать ощущение, что данный проект обязательно будет осуществлен, при этом следует обеспечивать постоянное взаимодействие между сторонами (пункт 6.18 Мнений).

Статья 6 Конвенции обеспечивает защиту предполагаемых жертв, если их жалобы являются спорными в соответствии с Конвенцией⁴⁸ (пункт 6.26 Мнений).

В тех случаях, когда коренные народы были лишены земель и территорий, которыми они традиционно владели или которые они иным образом заселяли или использовали, без их добровольного и осознанного согласия, государство должно принять меры для возвращения таких земель и территорий. Право на возвращение должно быть заменено правом на справедливую и безотлагательную компенсацию только в тех случаях, когда возвращение земель и территорий представляется невозможным по обоснованным причинам, при этом такая компенсация должна по мере возможности осуществляться в виде передачи земель и территорий⁴⁹ (пункт 6.27 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Верховный административный суд признал, что традиционное использование саамскими оленеводческими общинами земель привело к возникновению имущественных прав, основанных на правах в силу давности владения и обычном праве⁵⁰. Комитет отметил также, что в соответствии с Североевропейской конвенцией о саами, согласованной правительствами стран Северной Европы совместно с парламентами саами Норвегии, Финляндии и Швеции, которая опирается на существующие нормы международного права и направлена на ее осуществление в контексте стран

---

⁴⁷ A/HRC/12/34, п. 55.

⁴⁸ Дело «Дурмич против Сербии и Черногории» (CERD/C/68/D/29/2003), п. 9.6.

⁴⁹ Общая рекомендация № 23 (1997), п. 5.

⁵⁰ Решения Верховного суда по делам «Налоги на горные лапландские территории» и «Нордмалинг».

Северной Европы, доступ к земле и воде признается в качестве основы культуры, языка и социальной жизни саами, и, таким образом, как индивидуальные, так и коллективные имущественные права саами на их земли и ресурсы находятся под защитой (пункт 6.8 Мнений).

Комитет принял к сведению утверждение авторов о том, что в дополнение к уже существующим промышленным проектам, разрешение на осуществление которых на территории традиционного проживания общины Вапстен было предоставлено государством-участником, три концессии на добычу полезных ископаемых (они стали поводом для появления данного сообщения) могут привести к тому, что авторы не смогут вести традиционный образ жизни.

Комитет резюмировал: передав процесс консультаций горнодобывающей компании без эффективных гарантий и тем самым не выполнив свою обязанность соблюдать земельные права саамской оленеводческой общины Вапстен, государство-участник не выполнило свои международные обязательства (пункт 6.17 Мнений).

Комитет напомнил следующее – поскольку государство-участник установило и признало наличие неопределенности в отношении последствий для саамской оленеводческой общины Вапстен, то оно тем более обязано в контексте процесса предоставления концессий предусмотреть строгие требования в отношении проведения исследований и осуществлять надзор за их выполнением с тем, чтобы максимально ограничить их воздействие на оленеводство. Хотя административные органы ссылались на необходимость достижения баланса между горнодобывающей деятельностью и оленеводством, однако соответствующая процедура не позволила сделать это, так как, по мнению государства-участника, когда изыскатель находит потенциально выгодное месторождение, то первым шагом на пути к началу добычи является подача заявки на концессию на разработку. В решении по концессии определяется, кто имеет право на добычу металлов или полезных ископаемых, и это право распространяется также на владельцев имущества без их согласия, что является основной целью концессионной системы (пункт 6.18 Мнений).

Комитет отметил, что на практике процесс оформления концессии отделен от процесса получения экологического разрешения, поскольку Суд по земельным и экологическим вопросам правомочен рассматривать ходатайство о получении экологического разрешения и определять условия или сроки и ограничения, которые должны быть установлены в отношении деятельности после выдачи концессии на разработку. Иными словами, процесс консультаций проходит на том этапе процедуры, когда, как признает государство-участник, «еще слишком рано судить о том, в какой степени будут ущемлены возможности авторов заниматься оленеводством» (пункт 6.19 Мнений).

Комитет не должен решать, какому общественному интересу следует отдать приоритет, а именно: добыче полезных ископаемых, с одной стороны,

или «защите районов, имеющих важное значение для оленеводства, от мер, которые могут существенно затруднить его функционирование», с другой стороны. Вместе с тем государство-участник обязано на практике, а не только теоретически или абстрактно, изыскать и указать в процессе консультаций с саамской оленеводческой общиной Вапстен те места, которые они могли использовать в качестве альтернативных пастбищ, и выполнить обязательство по проведению эффективного процесса консультаций. Освоение и эксплуатация природных ресурсов в качестве законного общественного интереса не освобождает государства-участников от их обязательства не допускать дискриминацию в отношении коренной общины, зависящей от рассматриваемых участков земли, путем механического применения процедуры консультаций без достаточных гарантий или доказательств того, что свободное, предварительное и осознанное согласие членов общины может быть эффективно запрошено и получено (пункт 6.20 Мнений).

По мнению Комитета, государство-участник не продемонстрировало, каким образом в процессе предоставления трех горнорудных концессий в соответствии с Законом о полезных ископаемых и Экологическим кодексом были надлежащим образом учтены прежние нормы и конкретные права авторов (пункт 6.21 Мнений).

В отношении утверждений авторов относительно статьи 6 Конвенции Комитет счел, что основной вопрос заключался в том, выполнило ли государство-участник свои обязательства в соответствии с положением по обеспечению соблюдения права авторов на эффективную защиту и средства правовой защиты от любого ущерба, понесенного в результате предоставления трех горных концессий на территории их традиционного проживания. Комитет принял к сведению утверждение авторов, что они не имели доступа к какому-либо национальному учреждению, которое могло бы провести оценку основного права на традиционное имущество и включить в нее оценку того, следует ли запретить горнодобывающую деятельность ввиду ее негативного воздействия на саамское оленеводство. Суд по земельным и экологическим вопросам и Высший административный суд, опираясь на законодательство о горнодобывающей промышленности, могли рассматривать только применение внутреннего законодательства, которое само по себе является источником нарушения прав. Авторы напомнили о предыдущих подобных отказах⁵¹. Кроме того, авторы утверждали, что в то время как шведские землевладельцы могут в полном объеме получить компенсацию за свое имущество по рыночной стоимости, денежная компенсация не может адекватным образом покрыть потребности коренных народов саами в случае лишения их пастбищ для оленей, которые необходимы для этого вида деятельности общины и которые являются

---

⁵¹ Авторы ссылаются на решение Районного суда Умео, Суд по земельным и экологическим вопросам от 28 августа 2003 года по делам № М 112-01 и М 113-01 (*Рудники Свартлиден, Фаболиден и Стортъярнхоббен*).

основополагающим элементом их культурной самобытности и традиционного уклада жизни (пункт 6.25 Мнений).

Государство-участник не представило никаких доказательств наличия внутренних средств правовой защиты, которые могли бы обеспечить адекватное возмещение или удовлетворение за ущерб, причиненный авторам в результате неэффективного процесса консультаций в контексте предоставления горнорудных концессий. Кроме того, Комитет отметил, что судебный надзор со стороны Верховного административного суда не предполагал рассмотрение вопроса об устойчивом характере оленеводства на оставшихся землях (пункт 6.26 Мнений).

Государство-участник признало – решения о предоставлении концессий на добычу полезных ископаемых не предполагали какого-либо рассмотрения вопроса об имущественных правах авторов. Комитет счел: невозможность добиться эффективного судебного пересмотра решения в тех случаях, когда ставится под сомнение основное право коренных народов на территорию традиционного проживания, является следствием того, что государство-участник относится к общинам коренных народов как к частным землевладельцам, занятым горнодобывающей деятельностью, без должного учета потенциальной необратимости последствий, которые эта деятельность может иметь для таких общин (пункт 6.28 Мнений).

Поскольку в решениях Суда по земельным и экологическим вопросам и Верховного административного суда не удалось провести оценку изъятия земель с точки зрения основного права авторов на территорию традиционного проживания, то Комитет пришел к выводу: представленные факты свидетельствуют о нарушении прав авторов по статье 6 Конвенции (пункт 6.29 Мнений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 5 «d», «v» и 6 Конвенции.

В сфере гражданско-правовых отношений

право на образование

практика Комитета ООН по правам ребенка

См. вышеприведенные Соображения Комитета по правам ребенка от 31 мая 2021 года по делу «*X.M. против Испании*». Сообщение № 115/2020.

В сфере социально-трудовых правоотношений

*вопросы трудоустройства*⁵²

практика Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации

Дело *«Григор Запеску против Республики Молдова»*. Мнения Комитета по ликвидации расовой дискриминации от 22 апреля 2021 года. Сообщение № 60/2016⁵³.

Комитет отметил, что первый вопрос, который необходимо рассмотреть, состоит в том, нарушило ли государство-участник свое обязательство по защите заявителя от дискриминации по признаку этнического происхождения в соответствии с пунктами «е», «i» статьи 5 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в связи с отклонением поданного им заявления о трудоустройстве. Вторым вопросом, который необходимо было рассмотреть, являлось ли рассмотрение дела в судебных инстанциях нарушением статьи 6 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктами «е», «i» статьи 5 Конвенции государства-участники обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и гарантировать каждому человеку возможность реализовать свое право на труд без каких-либо различий по признаку расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения. Комитет напоминает о своей Общей рекомендации № 27 (2000 год) и обращает внимание на потребность в эффективном законодательстве, запрещающем дискриминацию в области занятости и все виды дискриминационной практики на рынке труда, от которых страдают члены общин рома, в том числе в процессе найма, и одновременно обеспечить эффективную защиту потенциальных жертв от

---

⁵² Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на труд и на социальное обеспечение*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27902/.

⁵³ Как усматривалось из текста Мнений, заявитель утверждал, что является жертвой нарушения Республикой Молдова статей 1 (п. 1), 5 (пп. «е», «i»), 6 и 7, рассматриваемых в совокупности со статьей 2 (п. 1 «d») Конвенции. Ссылаясь на статью 1 (п. 1) Конвенции, он утверждал, что является жертвой расовой дискриминации. В этой связи он отметил, что он и Б.В. подали заявления на одну и ту же должность и прошли собеседование в один и тот же день. Поскольку они имеют похожую внешность, говорят на одном языке и имеют одинаковый опыт работы, единственное видимое различие между ними, которое могло бы объяснить отклонение его заявления о приеме на работу – это его этническое происхождение (пункт 3.1 Мнений).

такой практики. Комитет поясняет, что обязательства, предусмотренные пунктами «е», «і» статьи 5, выполняются не только путем создания законодательной и регуляторной базы, запрещающей расовую дискриминацию в доступе к занятости, но и включают обязательство обеспечить эффективный контроль за осуществлением недискриминационной политики найма на работу на практике (пункт 8.3 Мнений).

Согласно статье 6 Конвенции: «[г]осударства-участники обеспечивают каждому человеку, на которого распространяется их юрисдикция, эффективную защиту и средства защиты через компетентные национальные суды и другие государственные институты в случае любых актов расовой дискриминации, посягающих, в нарушение настоящей Конвенции, на его права человека и основные свободы». Хотя при буквальном прочтении этого положения может показаться, что акт расовой дискриминации должен быть установлен прежде чем заявитель получит право на защиту и средство правовой защиты, однако Комитет отмечает, что государство-участник должно предусмотреть гарантию установления этого права через национальные суды и другие институты (которая была бы ничтожной, если она не была бы доступна в обстоятельствах, когда факт нарушения еще не установлен). Вместе с тем неразумно требовать от государства-участника обеспечить установление прав по Конвенции, какими бы необоснованными не выглядели эти претензии, но статья 6 обеспечивает защиту предполагаемых жертв, когда их претензии в соответствии с Конвенцией являются спорными (пункт 8.4 Мнений).

При оценке того, предоставили ли национальные суды заявителю эффективные средства правовой защиты, как того требует статья 6 Конвенции, Комитет прежде всего ссылается на свою правовую практику, согласно которой предполагаемые жертвы расовой дискриминации не обязаны доказывать наличие дискриминационных намерений в отношении них⁵⁴ (пункт 8.6 Мнений).

Идентификация лиц как членов этнической или расовой группы должна основываться на самоидентификации лица, если нет оснований для обратного⁵⁵ (пункт 8.6 Мнений).

Выбор конкретного средства правовой защиты не может негативно влиять на рассмотрение жалобы на дискриминацию даже в том случае, если предполагаемая жертва дискриминации не желает работать в соответствующей компании (пункт 8.7 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял во внимание неоспоримую информацию, представленную ему заявителем, являющимся представителем рома, что его заявление на

---

⁵⁴ См., например: дело «*B.C. против Словакии*» (CERD/C/88/D/56/2014), п. 7.4; дело «*Эр против Дании*» (CERD/C/71/D/40/2007), п. 7.4; и дело «*Лоран Габре Габрум против Франции*» (CERD/C/89/D/52/2012), п. 7.2.

⁵⁵ Общая рекомендация № 8 (1990) Комитета.

должность официанта было отклонено ресторанной сетью в 2012 году. Комитет отметил, в частности, утверждение заявителя о том, что в связи с этим инцидентом он привлек внимание национальных судов к *prima facie* факту расовой дискриминации и что именно компания-ответчик должна была поэтому представить разумные и убедительные аргументы в оправдание неравного отношения к автору.

Комитет с озабоченностью отметил замечание государства-участника, что процесс отбора регулировался положением, (утвержденным на уровне компании, которая установила четкие и недискриминационные критерии найма) и, следовательно, результаты данного процесса отбора следует считать имеющими под собой законные основания (пункт 8.3 Мнений).

Комитет помнит о национальном законодательстве государства-участника, предусматривающем перенос бремени доказывания в вопросах дискриминации⁵⁶, он напоминает об утверждении заявителя, полагающего, что национальные суды не применили эти национальные законы в соответствии с Конвенцией. В этой связи Комитет учел аргумент заявителя, что районный суд Чентру в Кишиневе возложил на него ответственность за то, что он не представил доказательств своего этнического происхождения, кроме собственного заявления (пункт 8.6 Мнений).

Комитет принял к сведению утверждение заявителя, согласно которому национальные суды придали слишком большое значение тому обстоятельству, что вместо трудоустройства он в ходе рассмотрения дела в судах просил присудить ему компенсацию. Комитет отметил: исходя из выбора заявителя, суды презюмировали, что он никогда не собирался работать в компании, и эта презумпция, по-видимому, ослабила его позиции в деле о дискриминации в глазах национальных судов (пункт 8.7 Мнений).

Комитет с обеспокоенностью указал на тот факт, что решение заявителя не подавать жалобу в Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства, по мнению национальных судов, подтвердило отсутствие «реальной ситуации дискриминации». В этой связи Комитет отметил, – заявитель выбрал судебную процедуру, которая помимо подтверждения его прав может обеспечить ему компенсацию, не может ставить его в невыгодное положение (пункт 8.8 Мнений).

Комитет подчеркнул, что из судебных документов следовало – вместо того, чтобы потребовать от компании-ответчика обосновать дифференцированное отношение к истцу, указав точные причины отказа ему в приеме на работу, несмотря на консультативное заключение Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства, обращающего внимание судов на необходимость переноса бремени доказывания в делах о дискриминации и дающего определенные ориентиры в отношении толкования термина «основные профессиональные требования», суды однако в значительной степени полагались на свидетельские показания

---

⁵⁶ См.: ст. 19 Закона № 121 «Об обеспечении равенства».

других сотрудников, подтверждающих недискриминационную обстановку, в которой они выполняли свои ежедневные обязанности. Комитет обеспокоился тем, что информация, полученная от лиц, которые по возрасту, полу и этнической принадлежности отличались от заявителя и работали на других должностях, не гарантировала, что эти лица находились в идентичной с заявителем ситуации. При этом игнорируется также возможность взаимного переплетения мотивов дискриминации⁵⁷ и существования «этнических иерархий» на рынке труда (было продемонстрировано сравнительными экспериментами, проведенными в Европе). Кроме того, недооцениваются случаи дискриминационного отношения, возникающего в «изолированных» и специфических обстоятельствах или даже при наличии смешанных мотивов, а не только в рамках систематической политики или отношения (особенно в отсутствие каких-либо конкретных объяснений со стороны компании-ответчика в связи с отказом в приеме на работу заявителя). Комитет напомнил, что такой подход не соответствует пониманию проблем и предрассудков, с которыми община рома продолжает сталкиваться в государстве-участнике и на которые указывается в заключительных замечаниях Комитета по Республике Молдова, опубликованных в 2011 и 2017 годах, а также в многочисленных докладах других международных и региональных органов по правам человека (пункт 8.9 Мнений).

Комитет счел, что хотя претензии заявителя в данном случае являлись спорными, на него, тем не менее было возложено непропорционально тяжелое бремя доказывания дискриминационных намерений компании-ответчика. По мнению Комитета, несмотря на то, что национальное законодательство предусматривает процедуру переноса бремени доказывания, однако государство-участник отреагировало на утверждения о расовой дискриминации настолько неэффективно, что не обеспечило надлежащей защиты и не предоставило необходимые для этого правовые инструменты, включая надлежащую сатисфакцию и возмещение причиненного вреда, в соответствии с собственным законодательством и статьей 6 Конвенции (пункт 8.10 Мнений).

Выводы Комитета: предоставленная информация свидетельствовала о нарушении государством-участником статьи 6 Конвенции.

---

⁵⁷ Общая рекомендация № 32 (1990) Комитета, п. 7.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

*право на беспристрастный суд при рассмотрении дела коллегией
присяжных заседателей*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) по жалобам № 12074/12 и 16442/12 по делу «**Тихонов и Хасис против Российской Федерации**» (вынесено 16 февраля 2021 года, вступило в силу 5 июля 2021 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция) в связи с нарушением принципа справедливости судебного разбирательства ввиду отсутствия, по мнению Суда, беспристрастности коллегии присяжных заседателей, вынесшей обвинительный вердикт в отношении заявителей.

Заявители утверждали, что их не судил независимый и беспристрастный суд. Опираясь на заявления присяжных заседателей Д. от 16 апреля 2011 года⁵⁸ и М., сделанные на заседании от 18 апреля 2011 года⁵⁹,

---

⁵⁸ Как усматривалось из текста постановления (пункт 14), «16 апреля 2011 года Д. дала интервью журналисту Л., который опубликовал его в своем блоге. Относящиеся к делу выдержки из интервью:

«В устной форме о самоотводе я заявила еще утром во вторник, 12 апреля. Я указала, что со стороны некоторых присяжных на коллегию оказывается давление – нас с самого начала склоняют к обвинительному приговору. Вечером же, когда я составляла письменное заявление [о самоотводе], куратор сказал, чтобы в причинах выхода я указала «семейные обстоятельства». Донесли ли в итоге до судьи З. истинные причины моего самоотвода – я не знаю.

Ряд присяжных являются бывшими сотрудниками правоохранительных органов, а присяжные [М.] и [Н.] с самого начала суда ведут в коллегии пропагандистскую работу. Каждое утро [М.] зачитывал нам в совещательной комнате материалы из СМИ, зачитывал даже то, что происходило в суде без нашего участия, и о чем мы знать были не должны. Каждую статью он сопровождал комментариями, пытаюсь вызвать у нас негатив по отношению к подсудимым. Кроме того, [присяжная Н.] на моих глазах подошла к сотруднику суда (...) и сказала: «Не волнуйтесь, мы вынесем обвинительный вердикт». На мои замечания – мол, вы не имеете права этого делать, – ни [М.], ни [Н.] не реагировали (...)

Однажды около половины присяжных, включая меня, подали на [М.] и [Н.] жалобу и передали работнику суда, однако в зале заседаний она не зачитывалась, и попала ли вообще к судье – мы не знаем. В то же время [М.] составил жалобу на то, что Никита Тихонов подавал какие-то тайные знаки своему отцу. Он сначала озвучил это нам, [Н.] с криком его поддержала: «Нас оскорбляют, надо подавать [жалобу]!» Я и коллеги заявили, что ничего такого мы не видели, хотя следим за процессом непрерывно (...). В общем, подавать жалобу мы отказались. Однако к нашему удивлению [М.] все равно написал ее и передал судье от лица всей коллегии. На этом лично мое терпение лопнуло. И не только

с одной стороны, и на интервью от 18 мая 2011 года⁶⁰, с другой стороны, они указывали, что имеются сомнения в беспристрастности присяжных,

мое. До 20-го [апреля], по моей информации, коллегия покинет еще одна присяжная. Мы не хотим брать грех на душу».

⁵⁹ Как усматривалось из текста постановления (пункт 17), «[п]рисяжный[М.] заявляет:

– По существу ходатайства могу сказать, что я не оказывал давления на членов коллегии присяжных, и что попыток давления не было ни с моей стороны, ни с чьей-либо другой. Когда мы уходили в совещательную комнату после предъявления нам доказательств, мы обсуждали лишь вопрос о том, как тот или иной элемент доказательств соответствует другим доказательствам, но никто не пытался навязать свое мнение другим присяжным заседателям. Никто не оказывал давления [на других]. Во-вторых, что касается статей и комментариев, то я зачитывал публикации в средствах массовой информации с единственной целью определить, объективно ли они освещают ход судебного разбирательства и в какой степени. Вот и все. Я поделился своими наблюдениями с коллегами, но не навязал своего мнения. Я не собирал информацию по этому делу.

В ответ на дополнительный вопрос председателя:

– Утратите ли Вы объективность и беспристрастность из-за этой информации? присяжный [М.], старшина коллегии присяжных, отвечает:

– Нет, ни в коем случае, поскольку я принимаю во внимание только те доказательства и доводы, которые представлены здесь, в зале суда, а не то, что пишут в средствах массовой информации. Мы должны принимать решение исключительно на основании доказательств, [представленных нам]. Нам это объяснили.

Присяжная [Н.] отказалась комментировать направленное против нее ходатайство».

⁶⁰ Как усматривалось из текста постановления (п. 22), «18 мая 2011 года интернет-сайт «Газета.ру» опубликовал интервью присяжного заседателя М. Относящиеся к делу выдержки из интервью:

« – [М.] Я решил ответить на ваши вопросы, потому что много было сказано всего моей коллегой [присяжной Д.] и далеко не все было так, как она говорит.

(...)

– [Журналист] Когда вы стали читать в газетах об этом процессе?

– [М.] Как только начались заседания, я прессу посмотрел. И ради интереса зашел на сайт «Русского вердикта». Это был основной источник информации, он у меня в закладках до сих пор. В первое время все, что говорил прокурор, проходило через призму «Русского вердикта». Еще нашли случайно твиттер «Русского общественного движения», РОДа. Смотрели его всегда, когда нас выводили из зала, чтобы узнать, успеет покурить или нет. Смотрели – ага, судье заявили отвод, время есть...

– [Журналист] Судья или сотрудник суда, который вами занимался, так называемый куратор, не проводили с вами разъяснительных бесед, что читать газеты и все эти материалы в интернете не надо, что это запрещено?

– [М.] Нет. Они знали, что мы [их] читали. Я говорил, на каком сайте что написано. Судья на заседаниях несколько раз подчеркивал, еще в марте он, кажется, это говорил: я не могу вам запретить читать [то, что публикуется в СМИ], но доказательствами является только то, что вы услышали в зале суда, только их и рассматривайте. Я же из СМИ информацию не собирал, я именно мониторил, насколько объективно освещается [в СМИ] процесс. Теперь адвокат [В.] говорит про меня: «Он сам признался, что собирал доказательства в СМИ». Я вот не понял, у нас СМИ теперь подменяют следствие?

которые признали их виновными, и жалуются, что суды не приняли должных мер для устранения этих сомнений.

Суд напомнил, что он уже неоднократно заявлял – суд, включая коллегию присяжных заседателей, должен быть беспристрастным как с субъективной, так и с объективной точки зрения (пункт 41 постановления).

В рамках субъективного подхода Суд всегда придерживался презумпции беспристрастности судьи или присяжного заседателя до тех пор, пока не будет доказано обратное. Чтобы выяснить, был ли суд беспристрастным с объективной точки зрения, Суд должен определить, имелись ли в соответствующих обстоятельствах достаточные гарантии, исключающие любые объективно подтвержденные или законные сомнения относительно беспристрастности коллегии присяжных, учитывая, что позиция обвиняемого на этот счет принимается во внимание, но не играет решающую роль (пункт 42 постановления).

Из прецедентной практики Суда следует, что статья 6 Конвенции требует, чтобы любой внутригосударственный суд проверял, является ли он по своему составу «беспристрастным судом», если в этом имеются сомнения, за исключением случаев, когда такие сомнения с самого начала явно лишены серьезности. В случае возникновения предположений о предвзятости какого-либо из присяжных, судья должен принять адекватные меры, учитывая характер утверждений, например, заслушав возражения сторон, созвать коллегию присяжных для дополнительного расследования (дело «Грегори», согласно которому один из присяжных заседателей высказывал расистские суждения), «распустить» коллегию присяжных в полном составе (дело «Сандер» о ситуации, когда один из присяжных заседателей был косвенно признан автором расистских высказываний) или провести собственное расследование, чтобы проверить достоверность фактов, которые могут вызвать сомнения в беспристрастности присяжных заседателей и

– [Журналист] Вы были единственным, кто мониторит интернет и газеты, а потом всем рассказывает? Остальные присяжные такую информацию получали от вас?

– Как минимум еще четверо из тех [присяжных], кто остался до конца [процесса], тоже все это читали. На мобильных телефонах. Были несколько человек, которые интернет не читали, а читали газету «Метро». А там тоже регулярно что-то появлялось [по поводу процесса]. Обменивались информацией, интересовались все [освещением дела]. У нас это называлось «свежие сплетни»: то, что пишет «Новая газета», помноженное на то, что пишет «Русский вердикт», и деленное на два. Все понимали, что «Новая газета» отстаивает свои интересы, «Русский вердикт» – свои. И, соответственно, одни и те же события они видят по-своему. Хотя сидим все в одном зале.

– [Журналист] Госпожа [Д.] говорит, что она была против ваших разъяснений, что вы на нее давили, убеждая в виновности подсудимых, и она даже писала на вас заявление судье. Было такое?

– [М.] Когда появилось интервью [Д.] в прессе, я стал спрашивать у коллег было ли такое заявление, может, это только я о нем не знаю. Но ни один человек мне не подтвердил, что оно было. Никто не знает и никто не помнит».

установить влияние, которое эти факты могли оказывать на мнение присяжных (дело «*Рамли*» о письменном заявлении, свидетельствовавшем о достоверности расистских высказываний, вмененных одному из присяжных заседателей), в том числе посредством слушания присяжных заседателей (дело «*Фархи*» – о предположительном наличии контактов между отдельными присяжными заседателями и представителями прокуратуры) (пункт 43 постановления).

Обращаясь к фактам рассматриваемого дела, суд констатировал: 18 апреля 2011 года заявители ходатайствовали об отводе присяжных заседателей М. и Н., опираясь на заявления, сделанные Д. в интервью от 16 апреля 2011 года⁶¹. По мнению властей, заявления Д. были неубедительными и, кроме того, противоречили друг другу. Суд счел, что в его компетенцию не входит дача оценки доказательной ценности заявлений Д. и достоверности действий, которые вменяются присяжным заседателям М. и Н. Однако Суд резюмировал: утверждения, являющиеся предметом спора, не выглядели с самого начала и очевидно лишены серьезности в такой степени, чтобы председательствующий судья не был обязан принять адекватные меры, чтобы убедиться в том, что суд отвечал требованию непредвзятости, закрепленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции, и что он давал достаточные гарантии, чтобы развеять все сомнения в этом отношении. Кроме того, Суд счел, что в соответствии с внутригосударственным правом и, в частности, с частью 2 статьи 333 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации присяжные заседатели обязаны воздерживаться от выражения своего мнения по делу вне заседаний, от обсуждения конкретных обстоятельств дела с лицами, не входящими в состав суда, и от сбора сведений по уголовному делу вне судебного заседания. Однако согласно заявлениям Д. М. и Н. не выполняли эти обязательства (пункт 44 постановления).

Суд констатировал – национальные судебные процедуры не располагали достаточными гарантиями, позволяющими исключить обоснованные сомнения в беспристрастности присяжных, которые вынесли обвинительный вердикт в отношении заявителей, и в данном случае не было соблюдено право заявителей на судебное разбирательство беспристрастным судом. Имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

---

⁶¹ 25 апреля 2011 года газета «Московский комсомолец» опубликовала на своем сайте еще одно интервью Д., которое было посвящено той же теме, что и интервью от 16 апреля 2011 года (пункт 15 постановления).

На судебном заседании от 18 апреля 2011 года заявители обратились к судье З. с ходатайством об отводе присяжных М. и Н. за предвзятость. В этой связи они опирались на заявления, сделанные Д. 16 апреля. Заслушав мнения сторон о ходатайстве заявителей, судья предложил М. и Н. высказаться о ходатайстве об отводе, направленном в их отношении. Решением от 18 апреля 2011 года судья отклонил ходатайство об отводе присяжных М. и Н. (пункты 16, 18 постановления).

Заявители также считали, что содержание статей, опубликованных в печати 6 ноября 2009 года, 18 января и 27 декабря 2010 года, нарушило их право на презумпцию невиновности.

Власти сообщили, что статьи в прессе от 18 января и 27 декабря 2010 года были опубликованы независимыми газетами и в них не содержалось каких-либо заявлений, приписываемых государственным должностным лицам, которые могли бы быть идентифицированы.

Суд напомнил – государственные органы в принципе не могут нести ответственность за действия частных лиц (пункт 61 постановления).

Что касается статьи от 6 ноября 2009 года, которая была опубликована в официальном издании «Российская газета» и подписана К., журналисткой этой же газеты – несмотря на то, что газета создана и финансируется Правительством Российской Федерации, однако ни один из материалов дела не позволили утверждать, что на момент публикации статьи, являющейся предметом спора, К. была лишена журналистской свободы, например, по причине редакционной политики газеты. Суд счел, что К. не действовала в качестве представителя государства на момент публикации статьи от 6 ноября 2009 года и, таким образом, по тем же причинам, что были указаны в пункте 61 выше, слова, принадлежащие ей, не могут повлечь за собой ответственность государства на основании пункта 2 статьи 6 Конвенции (пункт 62 постановления).

Суд пришел к выводу, что жалоба по пункту 2 статьи 6 является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

вопросы соблюдения принципа презумпции невиновности

практика Европейского Суда по правам человека

См. информацию о вышеприведенном постановлении Европейского Суда по жалобам № 12074/12 и 16442/12 по делу «**Тихонов и Хасис против Российской Федерации**» (вынесено 16 февраля 2021 года, вступило в силу 5 июля 2021 года).

*защита жертв торговли людьми
(вопросы осуществления эффективного расследования)*

практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Дело «А.Р.В.М. против Испании». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 18 февраля 2021 года. Сообщение № 106/2016⁶².

Правовые позиции Комитета: согласно статье 6 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин государства-участники принимают все соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин. Кроме того, согласно пункту 38 Общей рекомендации № 38 (2020 год) о торговле женщинами и девочками в контексте глобальной миграции, обратил внимание Комитет, международное право прав человека налагает на государства позитивные обязательства по выявлению жертв торговли людьми, и эта обязанность однозначно возложена на государства, независимо от отсутствия самоидентификации жертвы. Выжившие зачастую неохотно сообщают свои идентификационные данные или раскрывают имена тех, кто их продал, опасаясь возмездия, по причине отсутствия информации о преступлении и о том, где и как сообщить о нем, а также из-за страха взаимодействия с властями, в том числе страха задержания, преследования, наказания и депортации (пункт 11.2 Мнений).

Применение стереотипов затрагивает право женщин на защиту от гендерного насилия, в данном случае от торговли людьми, и что органы, ответственные за предотвращение и пресечение преступлений торговли людьми, должны проявлять осторожность, чтобы не предъявлять жесткие требования в отношении статуса или порядка действий женщин и девочек, оказавшихся жертвами торговли людьми, и не придерживаться исключительно предвзятых представлений об определении жертв торговли людьми, основанных на андроцентричном подходе. В процессе борьбы с торговлей женщинами государства, согласно пункту 97 Общей рекомендации № 38 (2020 год), должны бороться со стереотипными представлениями и дискриминацией в отношении женщин и девочек, пострадавших от торговли людьми и сексуальной эксплуатации, в особенности мигрантов, путем организации для лиц, на которых возложена задача оказания помощи и предоставления услуг по защите, в том числе для соответствующих органов на местном и государственном уровнях, сотрудников полиции, пограничных служб, иммиграционных служб (пункт 11.3 Мнений).

---

⁶² Как усматривалось из текста Мнений, автор утверждала, что государство-участник своими действиями и бездействием в связи с преступлением торговли людьми, о котором заявила автор, и попытками ее высылки нарушило статьи 2, 5 и 6 Конвенции (пункт 3.1 Мнений).

Жертвы торговли людьми обладают особым статусом и правом на специальную помощь и меры защиты, предоставляемые государством. Мерами по борьбе с торговлей людьми зачастую не предусматриваются долгосрочные, основанные на потребностях, комплексные и ориентированные на интересы жертвы помощь и защита ввиду недостаточной идентификации жертв и отсутствия в национальном законодательстве четкого определения торговли людьми и несоблюдения положений законодательства. Комитет считает, что исходя из соображений защиты прав человека и гуманитарных соображений государства обязаны предоставлять доступ к бесплатной юридической помощи, пособия (когда это возможно), время для размышления и восстановления и вид на жительство до официального установления личности, с тем чтобы женщины, пострадавшие от торговли людьми, и их иждивенцы могли быть охвачены мерами в области восстановления и реинтеграции. Эти меры должны быть инклюзивными и доступными, не обусловленными участием женщин в уголовном процессе или вынесением обвинительного приговора в отношении торговцев людьми. Меры должны включать надлежащий, индивидуализированный, учитывающий гендерные особенности, интересы детей и перенесенные психологические травмы, экстренный и долгосрочный доступ к жилью, социальным пособиям, возможности получения образования и работы, высококачественному медицинскому обслуживанию (в том числе услуги и консультации в области сексуального и репродуктивного здоровья), бесплатную выдачу официальных удостоверений личности, меры по воссоединению семей и процедуры предоставления убежища, когда это уместно (пункт 11.4 Мнений).

Комитет подчеркивает, что для предупреждения преступления торговли людьми следует учитывать характер и трудности, с которыми сталкиваются жертвы, зачастую получившие травму, в том, чтобы представить точную и подробную информацию о том, что с ними произошло (пункт 11.8 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: автор утверждала – она стала жертвой торговли людьми, и считала, что отказ расследовать ее утверждения, а также предпринятые попытки выслать ее привели к нарушению государством-участником обязательства предоставить ей защиту и предотвратить преступление торговли людьми посредством расследования этого преступления в нарушение статей 2 и 6 Конвенции и что этот отказ был в основном вызван использованием стереотипных предрассудков в нарушение статьи 5 «а». Кроме того, она утверждала, что стала жертвой нападения, сопровождавшегося стереотипными оскорблениями, когда была предпринята попытка привести в исполнение постановление о ее высылке, и считала, что как этот акт, так и последующие судебные решения представляли собой нарушение статьи 5 «а» Конвенции (пункт 11.5 Мнений).

В отношении нападения, сопровождавшегося стереотипными оскорблениями, которому, как утверждает автор, она подверглась во время попытки высылки, Комитет отметил, что, по мнению автора, она стала жертвой стереотипных предрассудков, которые привели к нападению на нее, и что судебные решения, принятые после этих событий, были основаны на стереотипных предрассудках.

Комитет указал следующее – судебные органы в ходе двух разбирательств рассмотрели факты, имеющие отношение к инциденту предполагаемого нападения на автора со стороны сотрудников полиции. Производство по жалобе автора было закрыто. Комитет подчеркнул, что очевидцев инцидента не было, а были лишь лица, которые свидетельствовали с чужих слов, что автор отказалась пройти осмотр судебно – медицинского эксперта и в единственной медицинской экспертизе в деле говорится только о нанесении автором самоповреждений. В ходе разбирательства, которое проводилось тремя различными инстанциями по заявлениям сотрудников полиции, на основе анализа доказательств, включая медицинские заключения и свидетельские показания, было принято решение признать ее виновной. Комитет отметил следующее – автор не обосновала, в какой степени решения, вынесенные национальными судами, были неправомерными в силу явного произвола, отказа в правосудии или свидетельства использования стереотипов или предвзятых представлений в нарушение Конвенции. Таким образом, Комитет счел: представленные ему материалы не позволили ему сделать вывод о том, что факты свидетельствовали о нарушении статьи 5 «а» Конвенции (пункт 11.6 Мнений).

Автор утверждала, что она является жертвой торговли людьми и в этом качестве могла рассчитывать на защиту со стороны государства, состоящую, во-первых, в отказе от ее высылки и, во-вторых, в проведении расследования фактов на основе информации, которую она представила в своем заявлении и в своей жалобе. Автор указала – отказ от проведения расследования повлек за собой дискриминацию в отношении нее и нарушение ее прав как жертвы торговли людьми согласно статье 6 Конвенции и что соответствующие судебные решения были основаны на гендерных стереотипах. В этой связи Комитет отметил: судебные органы государства-участника рассмотрели и опровергли заявление о том, что автор была жертвой торговли людьми, указав, что заявление автора содержало многочисленные неточности и обобщения. Кроме того, с момента предполагаемых событий прошло шесть лет, в течение которых не произошло никаких новых событий, связанных с предполагаемым преступлением торговли людьми. В частности, Верховный суд Мадрида в решении от 15 июля 2013 года отметил: «в заявлении автора совершенно отсутствует четкое указание на лиц, которые, по ее утверждению, принуждали ее к занятию проституцией, что имеет существенное значение для целей утверждения о том, что она находилась в контакте с такими лицами в течение шести месяцев, а кроме того, существенное значение имеет тот факт, что она не представила никакой

конкретной информации о лицах, которые могли бы угрожать ей в ее стране, особенно если, как утверждает ее дочь, она подверглась там нападению». Хотя автор утверждала, что эти решения основаны на гендерных стереотипах, она не указала на конкретные положения этих решений, которые могли бы свидетельствовать об использовании таких стереотипов. Комитет отметил, что поскольку автор не представила ему достаточной информации и документов, а с момента событий, имевших место на территории третьего государства, которое она покинула более 15 лет назад, прошло много времени, в течение которого не подтвердилась какая-либо реальная опасность для автора или ее семьи, то это подтверждало решение властей государства-участника о том, что утверждения автора являлись необоснованными (пункт 11.7 Мнений).

Комитет отметил, что ввиду этих пробелов и противоречий в изложении автора, автор не смогла представить ни судебным органам государства-участника, ни Комитету достаточные аргументы, позволявшие возложить бремя доказывания на государство-участника. Поэтому Комитет, ознакомившись с решениями и материалами дела, не смог установить наличия явного произвола, отказа в правосудии или признаков использования стереотипов или предвзятых представлений в нарушение Конвенции. Не имея возможности подтвердить наличие элементов, которые потребовали бы от Комитета не согласиться с оценкой фактов государством-участником и выводом о том, что заявительница не являлась жертвой торговли людьми, Комитет счел, что факты по этому делу не подтверждают какого-либо нарушения Конвенции (пункт 11.8 Мнений).

Выводы Комитета: представленные факты не свидетельствовали о каком-либо нарушении статей Конвенции.

*вопросы семейно-бытового насилия*⁶³

практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Дело «Организация «Промо-лекс» против Республики Молдова». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 9 июля 2020 года. Сообщение № 106/2016⁶⁴.

⁶³ **Для сведения.** В 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию* (обновлено по состоянию на 1 ноября 2020 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2020 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/29487/.

⁶⁴ Как усматривалось из текста Мнений, автор утверждал, что, не проявив должной осмотрительности в деле защиты В.С. от обнаруженной угрозы семейно-бытового

Вопрос, стоящий перед Комитетом, заключался в том, чтобы определить, проявляло ли государство-участник в рамках всей своей структуры, включая его органы власти, должностных лиц, учреждения, практику и законодательство, должную осмотрительность, рассматривало и расследовало ли оно надлежащим образом неоднократные жалобы В.С. на семейно-бытовое насилие и предоставляло ли ей эффективные услуги по правовой защите, консультированию и реабилитации. Комитет должен был определить, выполнило ли государство-участник свои позитивные обязательства в соответствии с Конвенцией по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин по защите В.С. от дискриминации, понимая семейно-бытовое насилие как одно из вопиющих и явных проявлений дискриминации в отношении женщин⁶⁵.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктами «а», «с», «е» и «f» статьи 2 Конвенции государство-участник обязано соблюдать принцип равенства мужчин и женщин, обеспечивать эффективную правовую защиту женщин и принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении них, в том числе путем изменения или отмены не только действующих законов и постановлений, но и обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Комитет вновь подтверждает, что эти обязательства возлагаются на все государственные органы⁶⁶, включая сотрудников правоохранительных органов (пункт 7.3 Мнений).

Отсутствие возможности незамедлительно предоставить защиту, в частности, в виде временных убежищ, может представлять собой нарушение обязательств государства-участника по пунктам «с» и «е» статьи 2 Конвенции⁶⁷ (пункт 7.12 Мнений).

Гендерное насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет осуществление женщинами их прав человека и основных свобод в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции⁶⁸. В рамках обязательства проявлять должную осмотрительность государства-участники должны разрабатывать и осуществлять различные меры по борьбе с гендерным насилием в отношении женщин, совершаемым негосударственными субъектами, включая принятие законов и создание учреждений и системы для борьбы с таким насилием, а также обеспечение их

насилия, государство-участник нарушило ее права по статье 2 (пп. «а», «с», «е» и «f»), рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции (пункт 3.1 Мнений).

⁶⁵ Общая рекомендация № 19 (1992) о насилии в отношении женщин и Общая рекомендация № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, дополняющая Общую рекомендацию № 19.

⁶⁶ Дело «*Л.Р. против Республики Молдова*» ([CEDAW/C/66/D/58/2013](#)), п. 13.6.

⁶⁷ Дело «*В.К. против Болгарии*», п. 9.13.

⁶⁸ Общая рекомендация № 19 и Общая рекомендация № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, дополняющая Общую рекомендацию № 19.

реальной эффективности и их поддержки со стороны всех государственных должностных лиц и органов, обеспечивающих надлежащее соблюдение законов. Если государство-участник не принимает всех надлежащих мер для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его органы власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам и пострадавшим от таких действий, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их. Такие пассивность и бездействие представляют собой нарушения прав человека⁶⁹ (пункт 7.15 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела:

Комитет отметил, что государство-участник приняло меры по обеспечению защиты от семейно-бытового насилия в соответствии с Законом о семейно-бытовом насилии, в котором предусматривается возможность вынесения судебных защитных предписаний, однако эти меры были приняты только после смерти В.С. Вместе с тем, несмотря на существование вышеупомянутого закона, неоднократные обращения В.С. в течение 2013 года в полицию с целью сообщить о физическом и психологическом насилии, совершаемом ее мужем, привели лишь к тому, что полиция вынесла С. устное предупреждение и провела с ним неофициальную беседу о его «неприемлемом поведении». В этой связи Комитет отметил, что ни один из этих фактов не был оспорен государством-участником (пункты 7.4–78.5 Мнений).

Комитет также указал: 9 января 2014 года, после звонка В.С., в котором она сообщила о жестоком обращении со стороны ее мужа, к ней домой были направлены сотрудники полиции. В результате ее муж был оштрафован за мелкое хулиганство, а В.С., опасавшаяся насилия со стороны мужа, решила переехать в соседний дом. Комитет подчеркнул – государство-участник не оспаривало это замечание и не указало, почему на тот момент полиция: а) не оценила в своевременном порядке серьезность ситуации с учетом предыдущих жалоб В.С., которые уже были зарегистрированы в «других протоколах о правонарушениях и инцидентах» Центральной полицейской инспекции Департамента полиции Кишинева, в целях эффективной защиты В.С., согласно соответствующему законодательству; и б) не рассматривала возможность обращения с просьбой о проведении расследования по заявлениям в отношении С. в соответствии с положениями Уголовного кодекса Республики Молдова, которые конкретно касаются преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием, с учетом повторения актов насилия, совершаемых в отношении В.С. (пункт 7.6 Мнений).

Комитет далее отметил, что государство-участник также не объяснило, почему к тому времени для обеспечения В.С. непосредственной защитой ей

---

⁶⁹ Общая рекомендация Комитета № 35, п. 24 2) «b».

не были предложены консультации, реабилитационные услуги, убежище или жилье или почему С. не были предоставлены поддержка и реабилитационные услуги в связи с его проблемой злоупотребления алкоголем (это предусмотрено законом государства-участника о борьбе с семейно-бытовым насилием). Комитет также принял к сведению утверждение автора о том, что полиция не приняла мер по защите В.С. и не проинформировала ее о ее праве самостоятельно возбудить разбирательство с целью получения в соответствии с Законом о семейно-бытовом насилии судебного защитного предписания. Комитет учел заявление автора о том, что в Законе не содержится четкого разъяснения процедуры получения защитных предписаний по просьбе жертвы или по инициативе полиции, социальных работников или прокуроров (пункт 7.7 Мнений).

Комитет принял к сведению утверждение государства-участника, что 10 января 2014 года в целях предотвращения агрессивных действий со стороны С. и контроля за его поведением он был поставлен на учет и были приняты индивидуальные профилактические меры. Вместе с тем Комитет отметил, что автор указывал – государство-участник не уточнило и не представило доказательств того, как эти индивидуальные меры осуществлялись на практике, а также каким образом они подлежали отслеживанию и реализовывались (пункт 7.8 Мнений).

Комитет учел – 19 января 2014 года С. совершил жестокое нападение на В.С., нанеся ей многочисленные удары по голове. В результате она осталась парализованной и с трудом могла говорить, а 16 сентября 2014 года скончалась от вызванных травмами осложнений. 20 января 2014 года С. был задержан, и 30 декабря 2015 года он был осужден за убийство своей жены и приговорен к восьми годам тюремного заключения. Комитет принял к сведению заявление государства-участника о том, что 31 января 2014 года Центральный районный суд Кишинева вынес в отношении В.С. судебное защитное предписание, посредством которого наложил на С. некоторые ограничения. Вместе с тем Комитет также учел заявление автора об отсутствии доказательств существования такого предписания, об отсутствии копии предписания в материалах уголовного дела С. и о том, что автор не смогла получить копию предписания, несмотря на соответствующие просьбы, и что, даже если предписание было все-таки вынесено, оно не послужило никакой практической цели с учетом того, что С. уже был арестован и оставался под стражей со дня своего ареста 20 января 2014 года (пункт 7.9 Мнений).

В данном случае соблюдение государством-участником своих обязательств по пунктам «а», «с», «е» и «f» статьи 2 Конвенции должно оцениваться с учетом степени должной осмотрительности и обращения внимания на гендерные аспекты при рассмотрении дела В.С. полицией, а также применяемых профилактических и защитных мер.

Комитет счел, что после того, как В.С., женщина-инвалид, сообщила о неоднократных случаях семейно-бытового насилия, в частности, после

инцидента 9 января 2014 года, полиция уже должна была признать риск продолжения насилия в ее отношении. В своем представлении государство-участник само называет эти инциденты «актами семейно-бытового насилия». Комитет обратил внимание на следующее – признание этих актов таковыми требовало от полиции понимания того, что конкретно влечет за собой семейно-бытовое насилие и каковы ее (полиции) обязанности в соответствии с Законом о семейно-бытовом насилии с точки зрения риска дальнейшего насилия, и что сотрудники полиции должны быть обучены тому, как адекватно и комплексно реагировать на инциденты, связанные с семейно-бытовым насилием (пункт 7.11 Мнений).

Комитет далее отметил: после инцидента 9 января 2014 года С. был всего лишь наказан за мелкое хулиганство и что этот инцидент не был рассмотрен в рамках действующего соответствующего законодательства о предупреждении семейно-бытового насилия и борьбе с ним, свидетельствовал о том, что сотрудникам полиции недоставало компетенции, чтобы понять масштабы и тяжесть семейно-бытового насилия в отношении женщин и действовать соответствующим образом, предоставляя В.С. услуги по поддержке и реабилитации и информацию о возможности получения судебного защитного предписания (пункт 7.12 Мнений).

Комитет согласился с мнением автора о том, что единственное соответствующее уголовное разбирательство в отношении С. началось только в связи с нападением 19 января 2014 года, что государство-участник не приняло надлежащих мер для его предотвращения и что в конечном счете это нападение привело к смерти В.С., а также что последующее судебное преследование и тюремное заключение С. не исключали ответственности со стороны государства-участника (пункт 7.14 Мнений).

Высоко оценивая принятие государством-участником в 2018 году нового закона о борьбе с семейно-бытовым насилием и усилия, прилагаемые для решения проблемы семейно-бытового насилия, Комитет тем не менее счел, что в данных обстоятельствах эти меры не были реализованы в достаточной степени⁷⁰. Реакция полиции на протяжении всего периода рассмотрения дела В.С. не способствовала предотвращению семейно-бытового насилия или защите от него. Кроме того, Комитет указал – конкретное законодательство государства-участника должно было бы осуществляться всеми государственными субъектами, включая сотрудников правоохранительных органов, которые связаны обязательствами государства-участника (пункт 7.16 Мнений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о том, что то, каким образом власти государства-участника рассматривали дело

---

⁷⁰ См.: Межамериканская комиссия по правам человека, дело «*Мария Да Пенья Майя Фернандис против Бразилии*», дело № 12.051, доклад № 54/01 от 16 апреля 2001 года, п. 57 и дело «*Джессика Ленахан (Гонсалес) и др. против Соединенных Штатов*», дело № 12.626, доклад № 80/11 от 21 июля 2011 года, п. 161.

В.С., представляло собой нарушение ее прав в соответствии со статьей 2 «а», «с», «е» и «f», рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами Организации Объединенных Наций, размещены по адресу:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.